

Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции.

// Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова.

/ Труды САИПИ. Вып. VII. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2011. С. 117-141.

Таштыкские резные миниатюры из тепсейского и ташебинского склепов представляют один из самых многообещающих и загадочных источников в раннесредневековой археологии Южной Сибири. Первые были открыты и опубликованы в 70-х годах XX в. [Грязнов, 1971; 1979], вторые — в 90-х [Efimov et al., 1995; Подольский, 1998], и до сих пор их прочтение — сюжетное и атрибутивное — затруднено целым рядом обстоятельств. Одно из них состоит в том, что сами персонажи плакеток — воины с различным вооружением и разнообразными причёсками, в доспехах и со щитами, пешие и конные — смотрятся весьма хаотически. Где здесь «свои», где «чужие»? Все куда-то бегут, стреляют, получают ранения, гибнут — но не ясны ни конкретные противники каждого, ни принадлежность воинов той или иной стороне, ни исход сражений.

Очевидно, что за особенностями внешнего облика персонажей кроются их этнические и культурные различия, что делает плакетки важнейшим источником по палеоэтнографии и историческим контактам минусинского населения в таштыкское время. Д.Г. Савинов впервые предложил версию атрибуции различных, наиболее характерных тепсейских персонажей. В воинах со специфическими причёсками с булавкой в волосах он увидел таштыкцев (костяные булавки встречаются в таштыкских грунтовых могильниках). Воины в лодке с простыми луками и в конических (берестяных?) головных уборах предположительно названы населением лесов, окружающим минусинские степи. «Рыцари» в доспехах могли представлять тюрков во время их первого появления на Среднем Енисее, ведь аналогичные панцири, по наблюдению Ю.С.Худякова [1980], показаны в росписях Восточного Туркестана, где формировалась культура ашина [Савинов, 1984, с. 44; 2008, с. 187, 188]. Эта атрибуция была дана во многом интуитивно, однако детальное рассмотрение изображений и связанных с ними материалов показывает её верность.

Практически одновременно таштыкцы на тепсейских плакетках были «опознаны» Э.Б. Вадецкой, которая соотнесла характерные «шишечки» на головах ряда персонажей с мешочками со вложенными косичками у головы кукол из грунтовых могильников [1985, с. 11; 1987, с. 44]; островерхие головные уборы других воинов были сопоставлены с меховой шапкой из Оглахтинского погребения 4 [1987, с. 40].

Наибольшее внимание большинства исследователей привлекали «рыцари» тепсейских миниатюр, причём версии об их этнической, культурной принадлежности различны. И.Л. Кызласов на примере «таштыкских рыцарей» рассмотрел «таштыкский доспех», сделав вывод о существовании в таштыкском обществе вооружённых сил трёх различных видов [1990, с. 190]. М.В. Горелик, напротив, определил рыцарей как «давних врагов осёдлых жителей Минусинской котловины — кочевых хуннов, либо, скорее, ... кочевников-сяньбий» [1995, с. 400]. Пришлый характер латников предполагался и другими исследователями, в частности, на основании их сходства с воинами орлатских миниатюр. По мнению П.П. Азбелева, те и другие «изображают носителей одной и той же культурной традиции» [1992, с. 211, 212], а В.П. Никоноров и Ю.С. Худяков связали изображения катафрактариев, аналогичные в Сибири и Средней Азии, с проникновением на восток военных отрядов «ираноязычных кочевников» [1999, с. 148]. Сяньбийская версия атрибуции недавно была

снова озвучена для рыцарей с тепсейской планки 7 [Бобров, Худяков, 2005].

Рис. I. Воины первой группы в таштыкских миниатюрах: 1-3 – Тепсей, 4-5 – Ташеба.

Во всех названных публикациях рассматривались, по сути, отдельные наиболее яркие фигуры, общие критерии сходства и различия изображённых персонажей не выявлялись. Только Ю.С. Худяков сделал важный шаг в этом направлении, классифицировав луки, колчаны и налучья тепсейских воинов, соответствующие реальным типам изделий [1986, с. 91]. К дальнейшей систематизации на основании этих наблюдений исследователь не обращался, хотя отметил, что, например, простые луки «...изображены в руках иноплеменных воинов», стреляющих с лодки в таштыкцев. Возможно, сами носители таштыкской культуры простые луки не использовали» [Там же].

Для преодоления видимой хаотичности гравировок необходимо разобраться со всеми реалиями персонажей — предметами вооружения и деталями костюма. Как выяснилось, ключевыми являются типы саадачных наборов — устойчивые сочетания луков, колчанов и налучий определённого вида — самые массовые реалии гравировок, показанные у каждого воина. * [1] Именно они позволили объединить всех персонажей миниатюр в три группы, чётко узнаваемые и на тепсейских, и на ташебинских изображениях.

На миниатюрах представлены луки «скифского», «хуннского» и «простого» типов [Худяков, 1986, с. 91]. Первые показаны одиночной резной линией, в том числе в горитах у всадников; они отличаются М-образной формой и короткими круто изогнутыми рогами (рис. I). Луки «хуннского» типа имеют большие размеры, длинные прямые рога и такую же рукоять; толстые кибити таких луков часто показаны заштрихованными (рис. II). Ю.С. Худяковым подмечена интересная деталь: асимметричные «скифские» луки воины держат за одно плечо, а симметричные «хуннские» — за рукоять [1986, с. 91]. Так называемые простые луки правильнее называть сегментовидными, что отражает их форму, только и видимую на гравировках, тогда как конструкция неясна (рис. III- 1, 3).

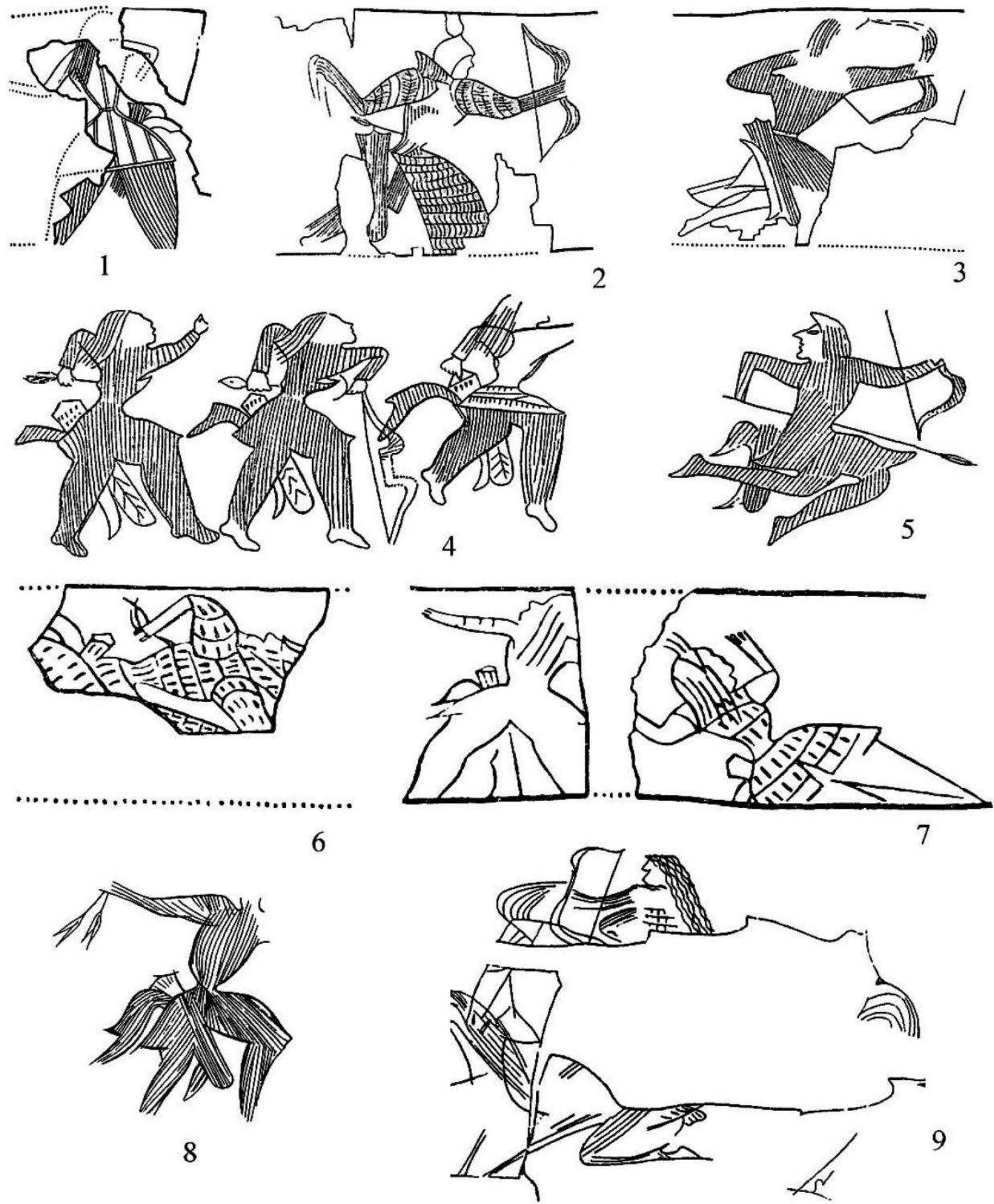
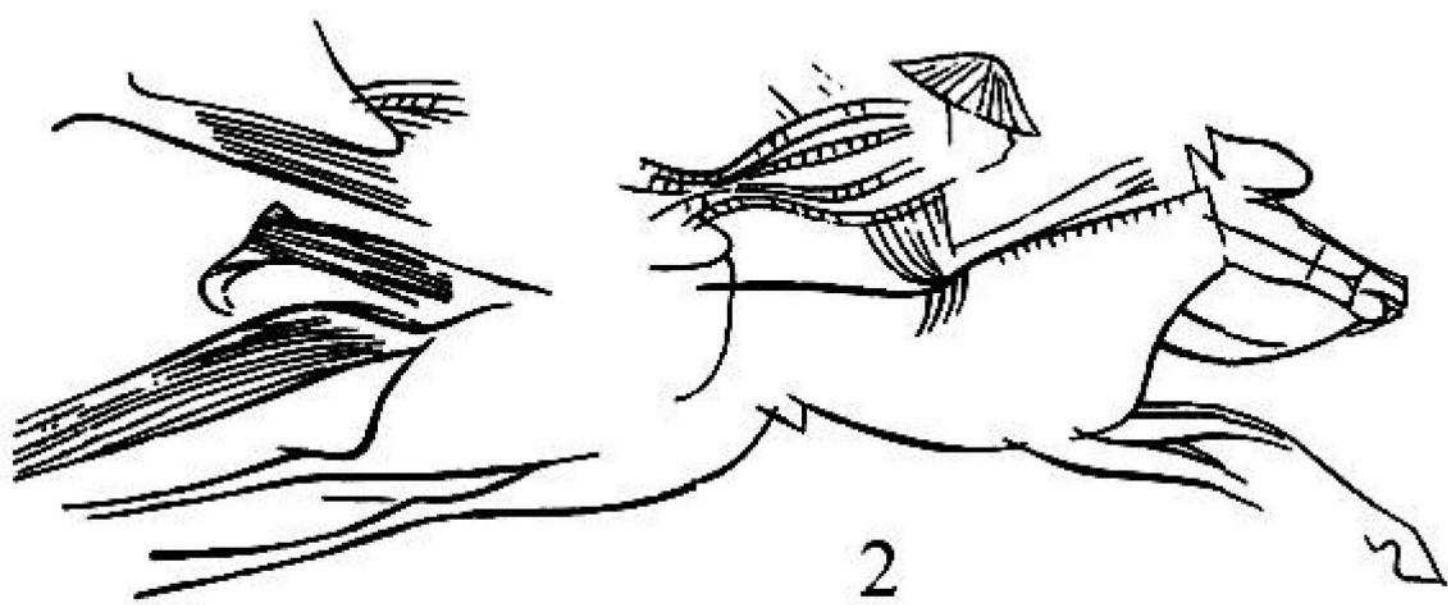
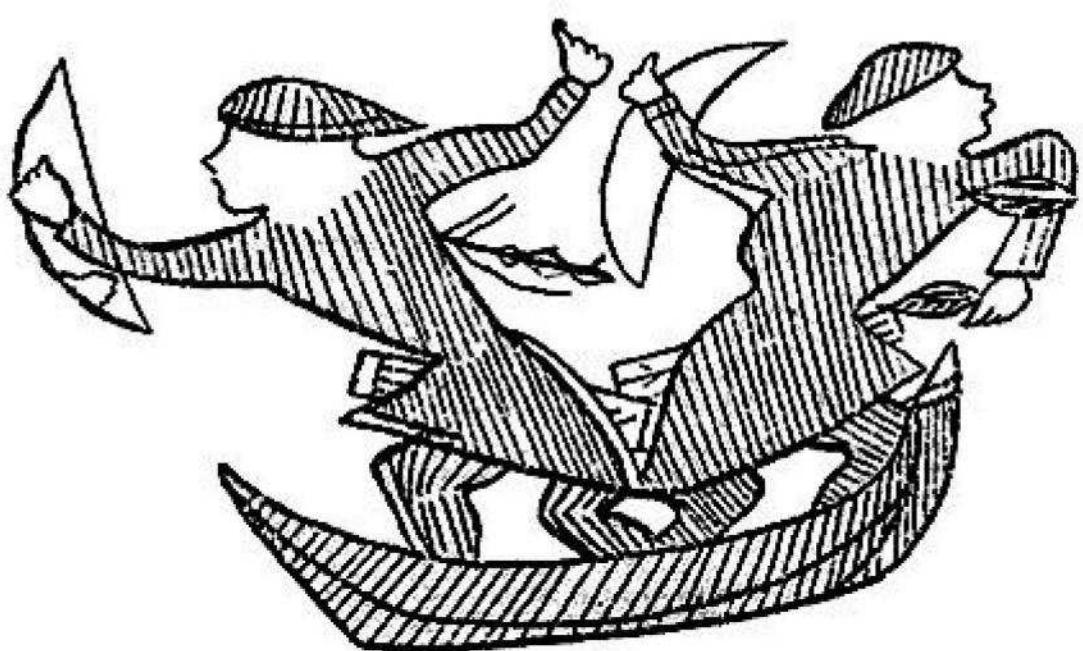
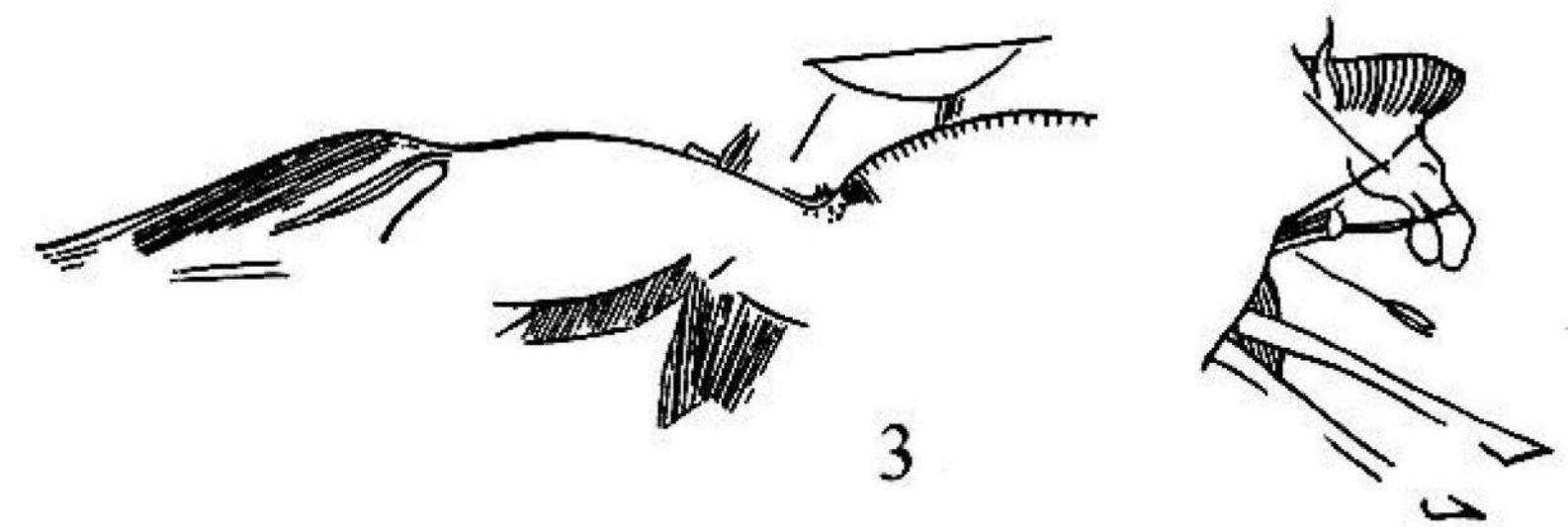

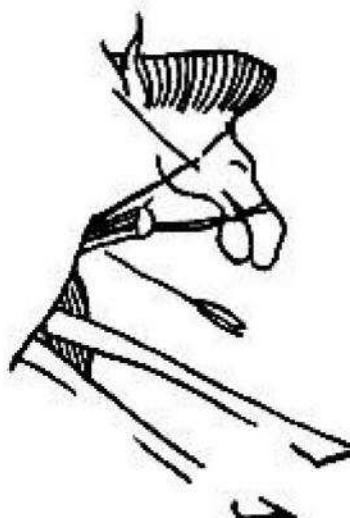
Рис. II. Воины второй группы в таштыкских миниатюрах: 1-7 – Тепсей, 8-9 – Ташеба.

2

3

4

Рис. III. Воины третьей группы в таштыкских миниатюрах: 1 – Тепсей, 2-3 – Ташеба.

В саадачных наборах конкретных воинов каждому типу луков соответствуют определённые виды колчанов и налучий. «Скифские» луки соотносятся с колчанами прямоугольной формы, расположенными горизонтально у пояса пеших воинов, а также с горитами у всадников (рис. I; V- 3, 4, 7). Те и другие иногда орнаментированы треугольниками, серией уголков и точек. Судя по ряду изображений (рис. I- 5; V- 2, 4), в горитах размещались не только луки, но и стрелы. Важная информация о способе ношения стрел — наконечниками вниз — получена при осмотре тепсейской планки 1 и её увеличенной фотографии. Здесь тончайшими линиями, подобными линиям штриховки фигур, изображены выступающие из колчана-горита пять древков с чётко показанным оперением и раздвоенными окончаниями для тетивы (рис. V- 2).

«Хуннские» луки сопровождаются колчанами с округлой нижней частью, подвешенными наклонно у бедра воина вплотную к налучью для спущенного лука (рис. II). Верхняя часть таких колчанов на разных планках оформлена по-разному: на тепсейских планках 4 и 7, а также ташебинском фрагменте 9 она треугольная, а на плакетках 1 и 6 из Тепсея имеет вид фигурной скобки (рис. II- 4, 6-7, 8; ср. с рис. II- 1-3). Как показал сравнительный анализ миниатюр с целью выявления «руки мастера», гравировки тепсейских планок 1 и 6 были исполнены одним человеком, а планок 4, 7 и фрагмента из Ташебы — тремя другими резчиками. Значит, рисунки колчанов с треугольным и фигурным верхом могли отражать авторские варианты изображения однотипных изделий (в первую очередь это касается колчанов с фигурным завершением). Округлая форма дна и особое оформление верха колчанов зафиксированы у всех изображённых саадаков этого типа, в том числе на плакетках, происходящих из разных памятников и исполненных разными мастерами. Значит, гравировки отражают реальные особенности существовавших футляров, представляя вполне достоверный тип изделия.

У «лодочников» с сегментовидными луками (тепсейская планка 4) показаны прямоугольные колчаны, возможно, чуть более узкие и короткие, чем у соседних с ними воинов первой группы (рис. III- 1; ср. I- 3) [Грязнов, 1979, рис. 61- 3]. Фигуры разных воинов на этой плакетке одинаковы по размеру, значит, отличия в размерах и пропорциях их колчанов могут быть не случайными. Кроме того, различные формы луков требовали, вероятно, отличающихся стрел, что в свою очередь должно было определять и отличие колчанов.

Итак, по сочетанию элементов стрелковых наборов персонажи с таштыкских плакеток уверенно объединяются в три группы. Оказывается, что и остальные изображённые реалии чётко распределяются в соответствии с этими группами. Для каждой из них устойчиво характерны конкретные причёски, особенности костюмов, а также предметы других категорий вооружения, вместе представляющие различные «этнографические типы», зафиксированные таштыкскими мастерами.

Воины первой группы обладают луками «скифского» типа и прямоугольными колчанами-горитами со стрелами наконечниками вниз. Причёски этих воинов представляют собранный на затылке хвост, или хвост и характерный «узел» на темени (рис. I; V- 2-4, 10); в одном случае такой «узел» закреплён булавкой (рис. I- 3). Дважды у воинов первой группы показаны шапки с ушками (рис. V- 7, 8). У одного из лучников на теле имеется изображение — возможно, татуировка (рис. V- 10). Кроме того, именно представители этой группы защищаются высокими щитами (рис. V- 8) [Грязнов, 1979, рис. 59- 1 ф. 9; рис. 61- 1].

Воины второй группы обладают более мощными луками «хуннского типа» и саадачными наборами, состоящими из двух предметов: длинной изогнутой налучи для спущенного лука и колчана с закруглённым низом и треугольным/фигурным верхним краем. Причёски этих воинов показаны как длинные распущенные волосы. К числу персонажей второй группы относятся все рыцари в доспехах (рис. II).

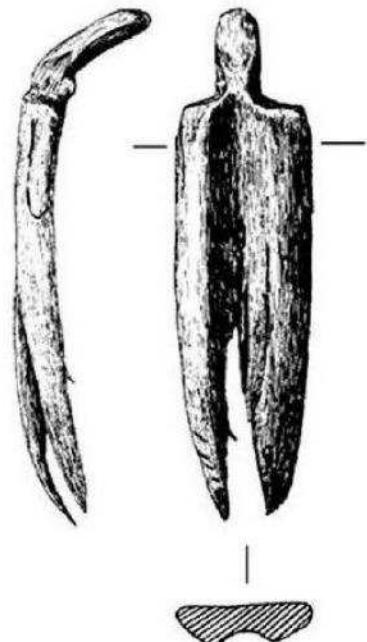
Для воинов третьей группы характерны сегментовидные луки и прямоугольные колчаны, возможно, более узкие и короткие, чем в саадаках первой группы. На них уплощённые конические шапочки и кафтаны особого покрова (возможно, глухие, по Д.Г. Савинову [1984, с. 43]) (рис. III).

Тепсейские и ташебинские миниатюры отличаются друг от друга манерой исполнения, однако в обеих сериях без труда узнаются аналогичные группы воинов. В ташебинских гравировках нет «лодочников», но воин третьей группы очевиден в изображении всадника в коническом головном уборе и особо оформленном, «орнаментированном» кафтане (рис. III-2). Обращает внимание посадка этого человека на лошади: он будто «летит», держась за гриву — может быть, падает? На другом ташебинском фрагменте над фигурой коня изображён сегментовидный лук (рис. III-3), а в заштрихованных изображениях перед грудью и под животом этой лошади угадывается рука, сжимающая поводья и, возможно, верхняя часть корпуса её владельца. Вероятно, здесь также был изображён падающий с лошади человек. Не исключено, что рассмотренные фрагменты представляли идентичные сюжеты — падение с коня определённых воинов, отнесённых нами к третьей группе.

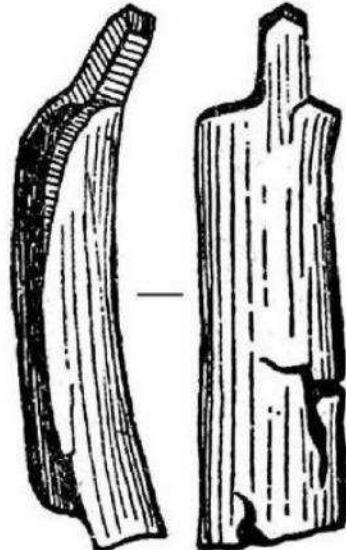
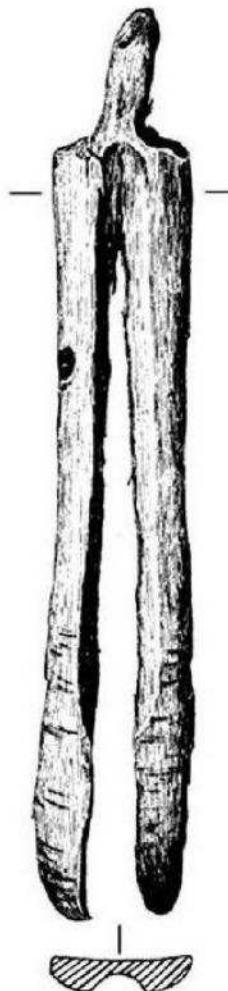
Представленная систематизация является основой для дальнейшего изучения таштыкских миниатюр — атрибутирования каждой группы, расшифровки сюжетов. Конкретные материалы для сопоставления с воинами немногочисленной третьей группы практически отсутствуют, поэтому достоверное этническое и культурное определение этих персонажей — дело будущего. Вместе с тем, их предварительная идентификация с таёжными жителями, данная Д.Г. Савиновым, вполне вероятна, учитывая длительное использование цельнодеревянных, вероятно сегментовидных луков, населением лесных районов Западной Сибири [Соловьёв, 1987, с. 25-27]. Вкратце рассмотрим реалии, характерные для двух других выделенных групп, сопоставимые с ними таштыкские материалы и внешние аналогии.

Вооружение и детали костюма первой группы воинов.

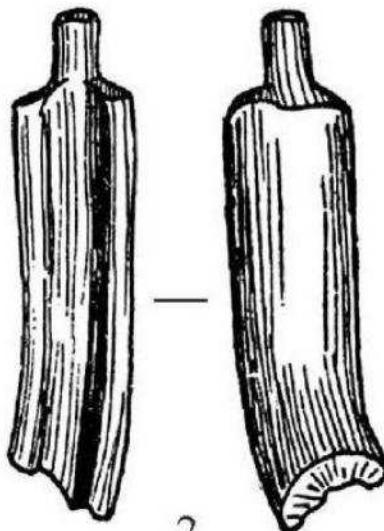
Луки. В таштыкских памятниках детали полновесных луков не сохранились. Известны несколько моделей: четыре найдены в Оглахтинском могильнике [Вадецкая, 1987, с. 72], фрагменты от четырёх — в склепах Сырского и Уйбатского чаатасов. Наиболее показательны последние, описанные следующим образом: «Луки сделаны из прутьев, с оригинальными приспособлениями для укрепления тетивы: на загнутых концах вырезаны желоба для прохождения по ним тетивы и на самом конце выступ для ее привязывания.» [Кызласов, 1960, с. 126, 127; рис. 46, 1-3] (рис. IV-2). Аналогичные окончания кибити были найдены внутри горита в пазырыкском могильнике Верх-Кальджин II (рис. IV-1), что отметили и авторы публикации [Поздняков, Полосынак, 2000, с. 77, рис. 4]. Судя по реконструкции этого и других пазырыкских горитов и их археологическому контексту, они были предназначены для луков «скифского» типа. Возможно, и аналогичные таштыкские фрагменты были связаны с подобными луками. В погребении 4 Оглахтинского могильника (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.) на руке мужчины был вытатуирован лук «скифского типа» — с асимметричными плечами и сильно загнутыми рогами (рис. V-5; VI-3). Приведённые материалы позволяют предполагать использование таштыкцами (и из грунтовых могил, и из склепов) луков «скифского типа». Вероятно, они и были прототипами луков, изображённых на миниатюрах у воинов первой группы.

1

2

Рис. IV. Фрагменты луков и их моделей:

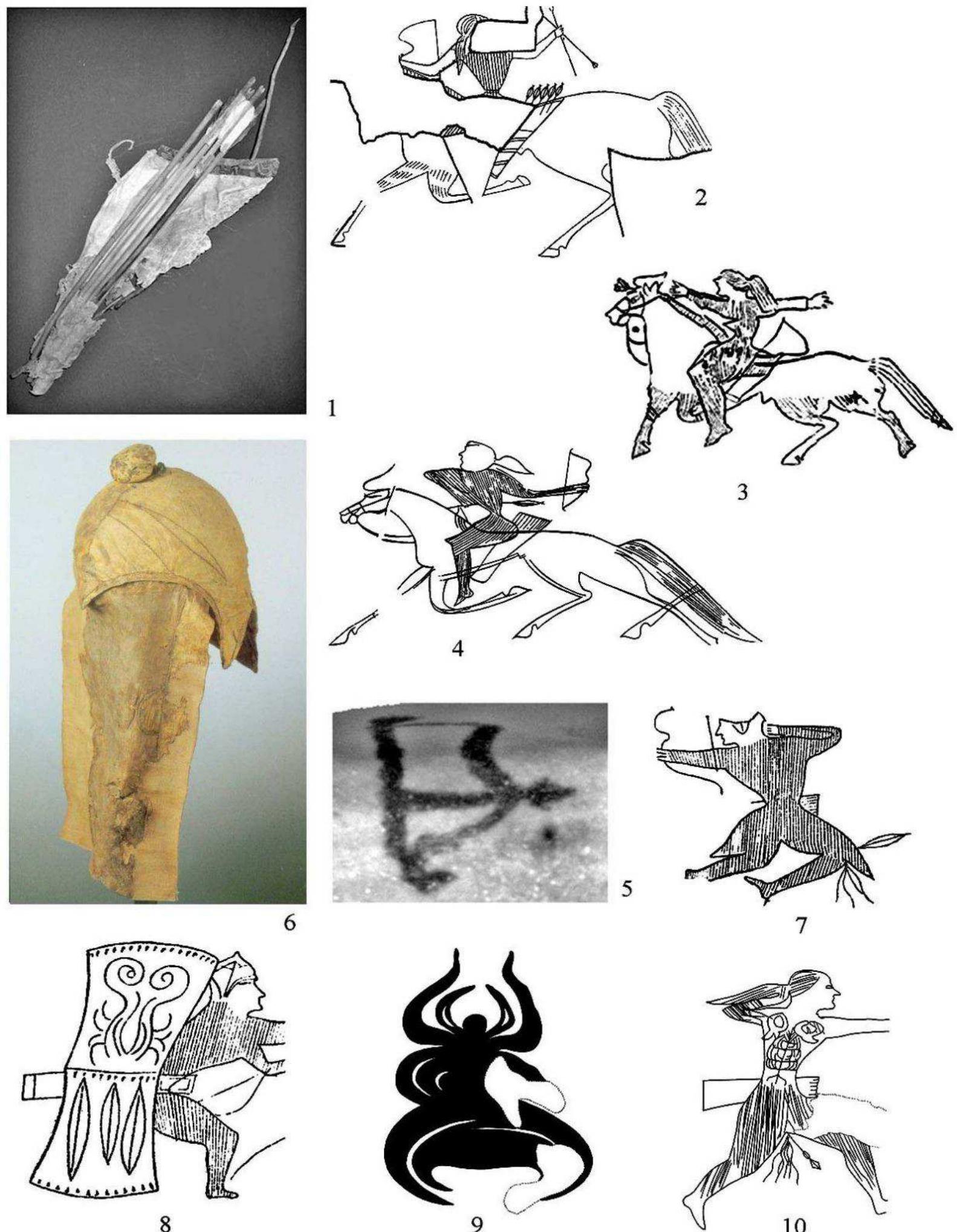
1 – Верх-Кальдин II, кург. 3

[по: Поздняков, Полосымак, 2000];

2 – Сырский чаатас, склеп 1 [по: Кызласов, 1960].

Футляры для луков и стрел. Из таштыкских захоронений происходят три футляра: из склепа 8 Уйбата I, из м. 7 Салбыкского грунтового могильника и из погребения 4, раскопанного в 1969 г. в горах Оглакты. Уйбатский берестяной колчан не опубликован, но автор находки С.В. Киселёв отмечал, что его «верхняя часть ... была срезана почти горизонтально, отличаясь таким образом от “колчанов с карманом” позднейшего времени. Более всего такие колчаны напоминают колчаны-гориты, изображённые на золотых инкрустированных бляхах Сибирской коллекции Эрмитажа (ср. «Охота иирков» и «Отдыхающие всадники»)» [Киселёв, 1949, с. 240]. Форма салбыкского «берестяного футляра либо коробки, прошитой крупными стежками» не реконструируется из-за фрагментарности изделия [Вадецкая, 1999, с. 235, табл. 56]. Зато оглахтинский футляр — модель горита — сохранился практически полностью [Кызласов, 1992, рис. 25]. Это кожаное, сужающееся книзу налучье с пришитым к нему боковым карманом, в который вложены пять древков стрел оперением вверх (рис. V- 1). Очевидно значительное сходство этой модели с горитами воинов первой группы на миниатюрах. Оглахтинский горит по форме и, возможно, конструкции сопоставим и с пазырыкскими футлярами, и с горитами на упомянутых бляхах из Сибирской коллекции. Кроме того, он также напоминает футляр из Субаши IV-III вв. до н.э. [The ancient culture..., 2008, р. 107-8] и бронзовые бляшки в виде горитов из памятников скифского времени Тувы, относящиеся в целом к тому же кругу материалов [Чугунов, 2007, ил. 9- 1; с. 130].

Изображённые на планках луки «скифского типа» и связанные с ними гориты сопоставимы с немногочисленными материалами из таштыкских грунтовых могил (модель горита) и склепов (детали луков), аналогичных, в свою очередь, находкам и изображениям скифского круга. Можно предполагать, что для культурных традиций грунтовых могил и ряда склепов был характерен один и тот же тип стрелкового набора. Тогда воины с такими саадаками на плакетках могли представлять как «грунтовых» таштыкцев, так и население культуры склепов.

Рис. V. Реалии воинов первой группы и сопоставимые материалы из таштыкских памятников:
 2-4, 7-8, 10 – таштыкские гравировки (Тепсей, Ташеба); 1 – модель горита (фото автора); 5, 9 – фигуры татуировок [по: Кызласов, Панкова, 2004; Панкова, 2005]; 6 – шапка [по: Панкова и др., 2010].
 1, 5, 6, 9 – Оглахтинский могильник, м. 4.

Головные уборы двух воинов с тепсейской плакетки 3 — с ушками и острым верхом сопоставимы с мужской меховой шапкой из м. 4 Оглахтинского могильника [Вадецкая, 1987, с. 40] (рис. V- 6-8). Правда, оглахтинская шапка имеет назатыльник и помпон, отсутствующие на тепсейских изображениях.

Причёски. Для рассматриваемой группы воинов характерны причёски в виде длинного хвоста на затылке или хвоста в сочетании с характерным «узлом» на темени (рис. I; V). Обращают внимание фигуры с тепсейской планки 1: собственно «узел» у них отсутствует, однако детально проработанный рисунок волос показывает, что «схема» причёски была той же — волосы собраны надо лбом, на темени, а сзади завязаны в хвост (рис. I- 1; V- 2). «Хвост», присутствующий во всех вариантах такой причёски, на миниатюрах более показателен для определения принадлежности воина к первой группе, чем наличие «узла» на темени. Однако именно последние были сопоставлены с кожаными или шёлковыми мешочками, набитыми травой или волосом, найденными в оглахтинских погребениях [Вадецкая, 1985, с. 11, 12]. По реконструкции Э.Б. Вадецкой, мешочки диаметром 6-8 см надевались на косичку, закалывались булавкой или завязывались у корней волос ремешком; остальные волосы с висков и затылка полностью или частично сбивались [Вадецкая, 1985; 1987, с. 42]. Можно уточнить, что судя по гравировкам, остальные волосы скорее собирались сзади в хвост.

В склепах миниатюрные мешочки с косичками не найдены. Здесь встречены накладная коса и голова статуэтки с особым оформлением волос, которые Э.Б. Вадецкая связывает с тем же вариантом причёски [Там же]. Если это так, то вероятно, что и в культуре «склепных» таштыкцев существовали причёски, аналогичные причёскам мужского населения «грунтовой» традиции.

Изображения на плечах и груди. На тепсейской плакетке 3 на плечах и груди воина имеются изображения (рис. V- 10). Их уточнённая прорисовка показала, что это разомкнутые сверху фигуры «с лапками» внизу, в общих чертах сопоставимые с татуировкой на плечах и лопатках мужчины из оглахтинского погребения 4 [Кызласов, Панкова, 2004, ил. 6; Панкова, 2005, рис. 1] (рис. V- 9; VI- 1-2).

Щиты. На трёх тепсейских миниатюрах показаны крупные, почти в рост человека щиты обобщённо прямоугольной формы (рис. V- 8) [Грязнов, 1979, рис. 59- 1; 61- 1]. Многие щиты имеют фестончатую окантовку по верхнему краю или, вероятно, оковки, показанные точками по периметру и полу щита. Изображения щитов на планках связаны только с пешими воинами: одни из них стреляют из луков, другие взнuzдывают коней.

В таштыкских погребениях щиты или их детали не найдены. Точных аналогий тепсейским щитам нет и в материалах других памятников. Близкие, на первый взгляд, изображения известны среди ханьских погребальных рельефов и вэйских статуэток воинов. Из-за этого тепсейские изображения, привлечённые как аналогии ханьским и северовэйским материалам, были даже названы «ранними щитами северян» (сяньбийцев — С.П.) [Бобров, Худяков, 2005, с. 145]. В общих чертах сходство тех и других проявляется в крупных размерах, подпрямоугольной форме, пропорциях, наличии оковок по краям, более или менее выраженным горизонтальном перегибе. Однако важнейшее отличие тепсейских щитов состоит в их применении. Массивные щиты закрывают тепсейских лучников так, что их руки свободны, будто щиты крепятся за спиной или опираются о землю — это, скорее всего, стáнковые щиты, что отметили позднее те же авторы [Бобров, Худяков, 2008, с. 501]. Ханьские образцы показаны в сочетании с клинковым оружием, то есть являются ручными [Бобров, Худяков, 2005, рис. 2, 1-2] (рис. VII- 1-3). То же можно сказать о щитах вэйских статуэток: в большинстве случаев мечи глиняных воинов не сохранились, но они явно были,

судя по отверстиям внутри сжатых кулаков правых рук (рис. VII- 4-6) [Там же, рис. 2-6, 15; 10- 6, 9-10; 16- 5, 8, 11а и др.].

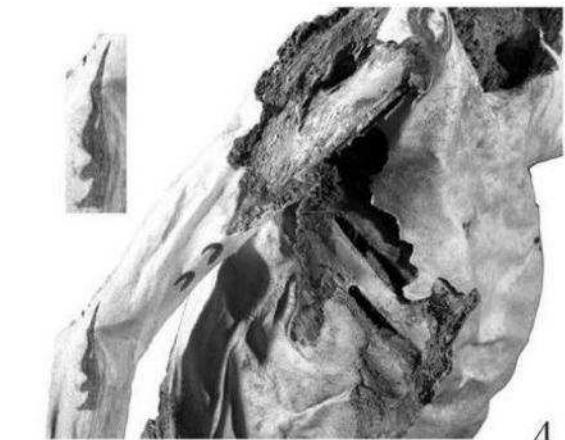
1

2

3

4

Рис. VI. Татуировки на мумии мужчины из Оглахтинского могильника (м. 4), инфракрасная съёмка:
1 – на спине; 2 – на груди; 3 – на левой руке; 4 – на правой руке [по: Кызласов, Панкова, 2004].

Информации о станковых щитах Северного Китая пока немного. В сцене боя из росписи пещеры 285 в Дунъхуане (538/539 гг.) большинство воинов со щитами орудуют мечами, однако один из них работает копьём, удерживая аналогичный щит с помощью длинного шеста-подпорки [Whitfield, 1995, pl. 36-38] (рис. VII- 7). Сведения о «традиционно китайских» станковых щитах приводит Х. Робинсон, сообщая о пехотных щитах из дерева или бамбука, использовавшихся преимущественно во время осады крепостей для защиты от камней и стрел; эти прямоугольные щиты достигали 1,5 м в высоту и 0,9 м в ширину [Robinson, 2002, p. 156]. В «Истории Ранней Хань» содержится рассказ о штурме крепости Чжичжи в 36 г. до н.э., описывающий удивление ханьского генерала при виде римского построения тестудо: «...хунны устремлялись в битву неорганизованными массами. Китайцы использовали большие щиты для защиты своих лучников (курсив мой — С.П.)... Но никто в этой части света не использовал манёвр со щитами, соединёнными вместе» [Харрис, 1993, с. 227]. Эти сведения позволяют предполагать, что аналогии тепсейским щитам могут быть найдены среди северокитайских материалов.

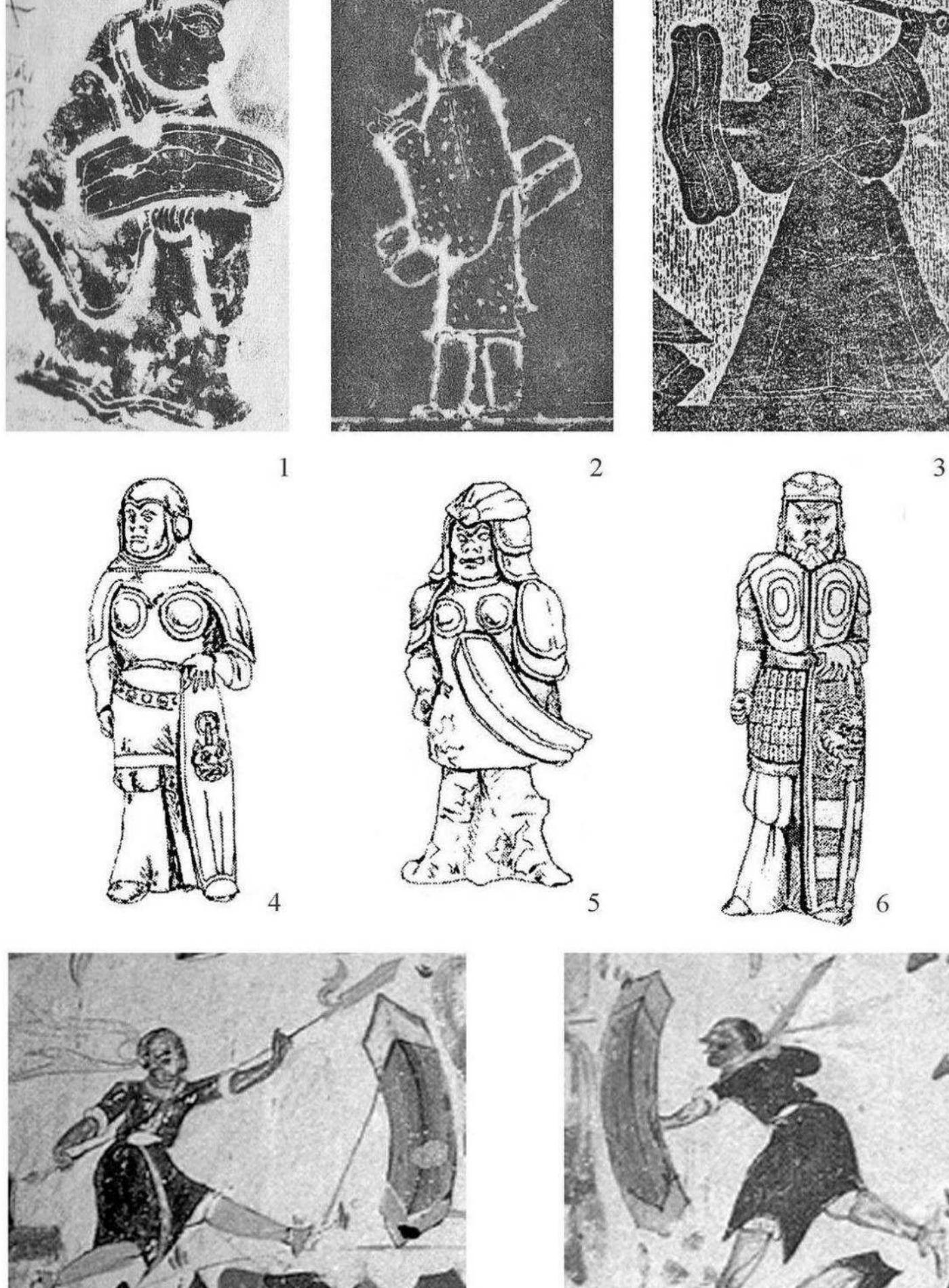
Крупное загадочное изображение на одном из тепсейских щитов (рис. V- 8) можно рассматривать как аналогию фигурам оглахтинской татуировки, а значит и сопоставимым с ней рисункам на плечах тепсейского воина той же, первой группы (рис. V- 9-10; VI- 1-2) [Панкова, 2005, с. 183; 2007, с. 123]. Принадлежность всех трёх изображений одной культурной традиции вполне соответствует такой версии.

Антropolогические особенности. На тепсейской планке 4, детально представляющей воинов всех трёх групп, мастер акцентировал их антропологические различия, и в особенности отличия лиц воинов первой группы — их выступающие «тяжёлые» подбородки (рис. I- 3) [Грязнов, 1979, рис. 61- 2-3]. Выдвинутые вперёд подбородки показаны и у воинов с плашток 1 и 3, изготовленных другим человеком (рис. I- 1; V- 8). Эта особенность воинов первой группы может оказаться атрибутивной наряду с характерными причёсками и предметами вооружения. Как видно из приведённых аналогий, серия соответствий в таштыкских материалах позволяет предполагать в воинах первой группы таштыкцев. Особенности лиц этих воинов было бы также интересно сопоставить с наблюдениями антропологов. Однако из-за специфики погребального обряда таштыкская серия черепов невелика (особенно мало материалов из склепов). В имеющихся немногочисленных публикациях выступающие подбородки таштыкцев не отмечены [Дебец, 1948; Алексеев, 1973]. Показательна ли эта черта для антропологов?

По словам А.Г. Козинцева, расовые различия в форме нижней челюсти фиксируются меньше, чем в остальных частях лица. Несмотря на такой бытовой штамп, как «тяжелый английский подбородок», это скорее впечатление, пока не подтверждённое точными цифрами. В стандартной краинометрии форма подбородка не фиксируется, а угол его выступания до сих пор не имел расоразграничительного значения. Вместе с тем А.Г. Козинцев отметил европеоидную черту в изображениях воинов первой группы с планки 4 — их сильно выступающие носы, в отличие от более уплощённых лиц остальных персонажей (рис. I- 3; II- 4; III- 1). * [2]

Э.Б. Вадецкая сообщает о европеоидности черепов под масками из Оглахтинского погребения 4 [1999, с. 48]. Имеющаяся информация об антропологическом составе населения таштыкской культуры отражает сложность вопроса и его слабую разработанность, хотя присутствие европеоидного компонента в изученной серии безусловно [Алексеев, 1973]. Необходимо возобновление этих исследований, тем более учитывая большой объём антропологического материала, полученного при раскопках таштыкских могильников в 1970-80-е годы. В целом же вероятная европеоидность воинов первой группы не противоречит их идентификации с таштыкцами.

Таким образом, судя по приведённым аналогиям, воины первой группы тепсейских и ташебинских миниатюр могут быть атрибутированы как таштыкцы. Большее число аналогий связано с погребениями Оглахтинского могильника, однако исключительная сохранность его материалов заставляет с осторожностью относиться к такому перекосу в сторону «грунтовой» традиции, так как среди склепов подобные памятники отсутствуют. Изображения на планках из склепов реалий, сопоставимых с находками в грунтовых могилах, позволяют предполагать большее сходство предметного комплекса этих традиций, чем представляется по фрагментарным археологическим материалам. Идентификация воинов с таштыкцами позволяет расширить характеристику этой культуры за счёт изображённых деталей, мало или совсем не представленных в погребальных памятниках. Так оглахтинцы, или «таштыкцы вообще» носили причёски в виде собранного на затылке «хвоста», часто дополненного «узлом» на темени (уложенной косички, по Э.Б. Вадецкой). Они, вероятно, обладали европеоидным типом лица. Вооружение таштыкцев включало саадачные наборы условно «скифского типа» и высокие станковые щиты. ** [3] Особым значением обладали изображения «членистоногих существ», включённые в татуировки и помещавшиеся на щиты. Как сами щиты, так и эти фигуры могли представлять компоненты северо-китайского/туркестанского происхождения в культуре таштыкцев.

Рис. VII. Изображения щитов из памятников Северного Китая II–V вв.:

1-3 – погребальные рельефы II в. [по: Chavannes, 1909]; 4-6 – статуэтки воинов династии Вэй IV-V вв. [по: Бобров, Худяков, 2005]; 7, 8 – Дуньхуан, росписи в пещере 285 (538/539 г.) [по: Whitfield, 1995].

Вооружение и детали костюма второй группы воинов.

Для воинов второй группы характерны луки «хуннского типа», саадаки, состоящие из налучи для спущенного лука, вплотную примыкающей к колчанам особого вида — с треугольным/фигурным верхом и округлым низом, а также причёски в виде опущенных на плечи волос и доспехи.

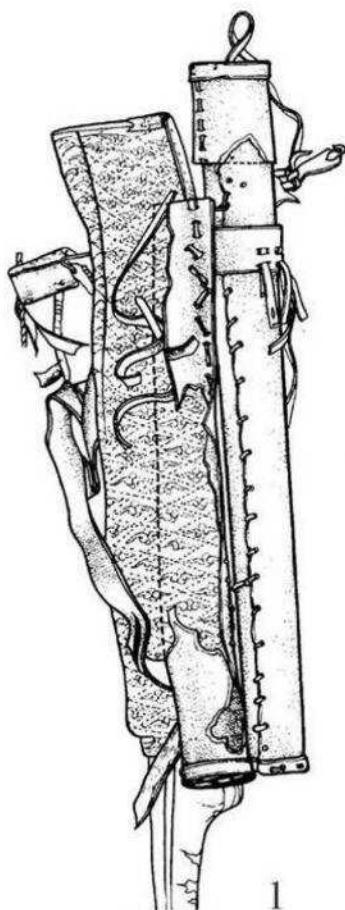
Луки. Присутствие луков «хуннского типа» в погребениях наиболее достоверно фиксируется находками роговых накладок. В таштыкских комплексах такие накладки не найдены. * [4] Копию лука «хуннского» типа Л.Р. Кызласов увидел в одной модели из Оглахтинского могильника (раскопки 1903 г.) [Кызласов, 1960, с. 110; Вадецкая, 1999, табл. 49, 6], однако из-за вотивного характера предмета определённо судить об этом трудно. Луки «хуннского типа» и их близкие варианты были распространены у разных культурных групп на широкой территории на протяжении всего I тыс. н.э. [Хазанов, 1971, с. 30-35; Савинов 1981, с. 148]. Если таштыкцы, судя по изображениям воинов первой группы, использовали «скифские» луки, то «хунские» могли принадлежать лучникам иного происхождения.

Налучи и колчаны. Совместное размещение колчанов и налучий у ряда тепсейских воинов позволило М.В. Горелику отнести эти наборы к определённому типу саадаков, появившихся в последние века до н.э. параллельно с распространением лука «хунно-парфянского типа». Основу такого саадака составлял «трубкообразный футляр для стрел, к которому сбоку пришивался узкий изогнутый чехол для спущенного лука, сделанный из кожи (мягкий или на каркасе)...» [Горелик, 1995, с. 378, 379]. Судя по изображениям, такие саадаки были распространены очень широко (в Северном Причерноморье, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Синьцзяне) и существовали в течение всей первой половины I тыс. (рис. VIII- 2-6). Редкие реальные находки происходят из Синьцзяна, в частности, из погребений в Ние «периода «Хань-Цзинь (Jin), не позднее ранней Лян (317-376 гг.)» [The Institute., 2001, р. 16, 17; The ancient culture..., 2008, р. 55-11] (рис. VIII- 1).

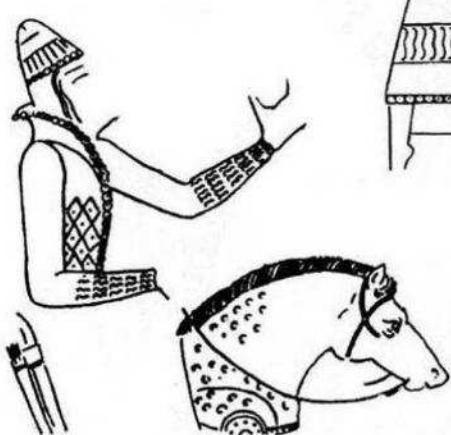
Отметим, что помимо саадаков описанного типа (назовём их «совмешёнными»), узкие изогнутые налучи были характерны и для наборов иного облика, в целом более поздних и повсеместно известных в древнетюркском комплексе вооружения. Они широко распространяются во второй половине тысячелетия и отличаются от «совмешённых» саадаков расположением футляров на разных боках воина, а также формой колчанов — обычно уплощённых, расширяющихся книзу, и главное, имевших так называемый карман или щиток. В отличие от саадаков первого типа, они представлены на Саяно-Алтае как изображениями, так и предметными находками, и относятся к древнетюркскому времени.

Видно, что пропорции тепсейских и ташбинских колчанов не соответствуют трубковидным колчанам-«тубусам» «совмешённых» саадаков — это широкие и возможно уплощённые футляры (рис. II); и именно таким колчанам может соответствовать особая форма их верхнего и нижнего края. Не ясно, представляли тепсейские и ташбинские саадаки соединённые между собой предметы, или отдельные, но носимые на одном боку. Важно выяснить, где и когда использовались колчаны с треугольным/фигурным верхним краем и округлым низом, размещённые вплотную к налучьям. Точные аналогии таким саадакам до сих пор не известны, поэтому важно найти соответствия хотя бы отдельным их характерным деталям.

Среди запечатлённых колчанов одни полностью заштрихованы, другие вверху под фигурным краем имеют ряды точек или чёрточек, очевидно, обозначающих стрелы (рис. II- 4, 6, 8). Однако ответить на принципиальный вопрос, какую часть стрел обозначали эти метки — наконечники или оперение, вряд ли возможно. Способ размещения стрел в колчанах второй группы воинов остаётся пока загадкой.

1

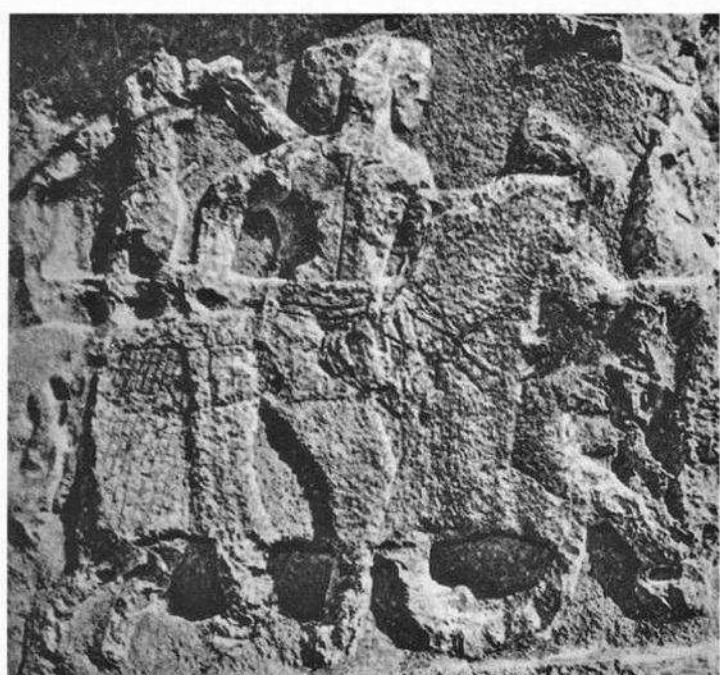
2

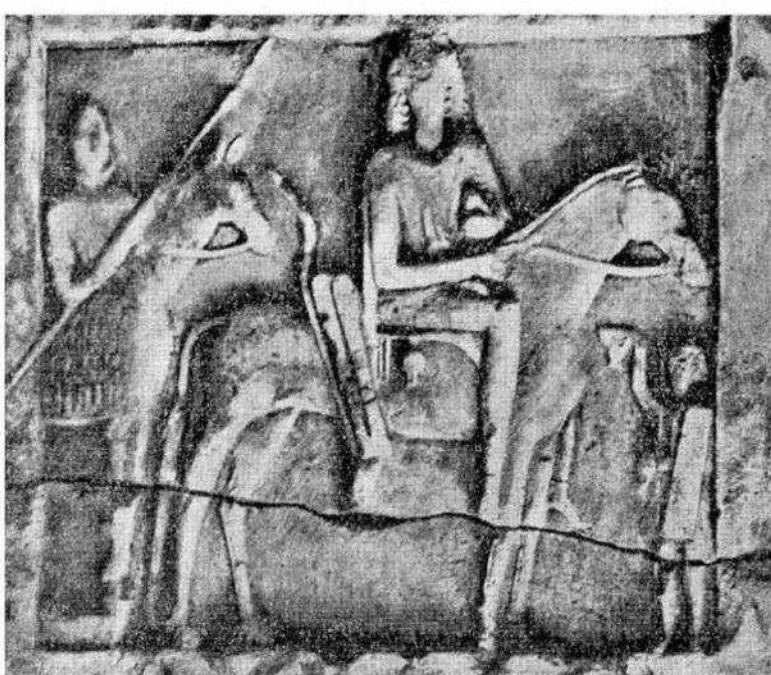
4

3

5

6

Рис. VIII. Саадаки «раннего типа» в памятниках первой половины I тысячелетия:

1 – Ния, погребение 8 [по: *The Institute ...*, 2000]; 2 – Пещера художников [по: *Le Coq*, 1925]; 3 – Кумтура, фрагмент росписи [по: *Пещеры тысячи будо ...*, 2008]; 4 – Орлатский могильник [по: *Никоноров, Худяков, 1999*]; 5 – Танг-и-Сарвак, ок. 200 г. [по: *Ghirshman*, 1962]; 6 – фрагмент рельефа со стелы Афения [по: *Десятчиков, 1972*].

Рис. IX. Куча, Кумтура. Роспись со сценой проповеди будды [по: Пещеры тысячи будд ..., 2008].

Ближайшие изображения саадаков «совмешённого» типа — территориально и по времени — известны в двух росписях Восточного Туркестана V — нач. VI вв. — в сцене осады Кушинагары из Пещеры Художников и в недавно отреставрированном фрагменте из Кумтуры (собрание Государственного Эрмитажа). * [5] В Пещере Художников футляры представлены классическим вариантом такого саадака — с узким колчаном-«тубусом» (рис. VIII- 2). Пропорции тепсейских колчанов, как было сказано, не отвечают такой конструкции. А вот саадак из Кумтуры как раз отличается широким и, видимо, уплощённым футляром для стрел, вполне соответствующим изображениям на плакетках (рис. VIII- 3; IX) [Пещеры тысячи будд..., кат. 75]. Правда, колчан в нём размещён поверх налучья, а не сбоку, как в таштыкских гравировках, но в то же время он отличается закруглённым донцем, что ещё более сближает его с минусинскими изображениями, определяя как наиболее близкую аналогию. Стрелы в обоих кучарских футлярах расположены оперением вверх.

Закруглённое дно колчанов — очень редкая особенность, но помимо фрагмента из Кумтуры она известна ещё в трёх памятниках Восточного Туркестана и связана уже с колчанами «с карманом». Изображения футляров с закруглённым и треугольным нижним краем — детали лёссовой скульптуры — найдены в Шикшине (Карашибарский оазис, не ранее VII в.) [Дьяконова, 1995, с. 66, 80, 303, 528; табл. Е, 3]. Особые закруглённые выступы в донце отличают колчаны из росписи в Хочо (Турфан) VIII-IX вв., передающей трёх военачальников-уйголов * [6] (рис. X- 5). Наконец, колчан с закруглённым выступом в донце изображён в росписи VI — нач. VII вв. в кызыльской Пещере шестнадцати меченосцев (оазис Кучи) [Grünwedel, 1912, Abb. 117] (рис. XI, фигура всадника слева).

Два последних изображения обладают и другими особенностями, возможно, сближающими их с тепсейскими/ташебинскими саадаками. В Пещере шестнадцати меченосцев представлен редкий случай, когда футляры саадака «позднего» (условно «туркского») типа размещены на одном боку воина: у конного рыцаря-шакья, обращённого правым боком к зрителю, показаны и налучье для спущенного лука, и колчан «с карманом» (рис. XI). Правда, видно, что оба предмета крепятся в разных участках пояса, необычно и взаимное размещение футляров крест-накрест. Положение ног соседнего, восседающего на слоне персонажа, допускает, что сходное расположение футляров всадника больше связано с композиционным повторением этой схемы, чем с реальным способом их ношения. Однако обратим внимание на всадника у противоположного, правого края росписи: он повёрнут левым боком к зрителю, и ни колчана, ни налучья у него нет. Логично предположить, что и в этом случае художник подразумевал их на правом боку воина. Чем, однако, руководствовался мастер — реальной практикой ношения оружия или какими-то другими соображениями — неизвестно; а значит неясно и то, насколько показательна эта кучарская роспись в качестве аналогии минусинским саадакам второй группы. ** [7]

Ещё одна характерная особенность колчанов второй группы — треугольная или фигурная форма верхнего края. Такая деталь могла быть связана с особым оформлением задней стенки футляров или с наличием какой-то жёсткой каркасной конструкции. У колчанов-«тубусов» в саадаках «совмешённого» типа фигурантно оформленные стенки не зафиксированы, а сами футляры бывают закрыты цилиндрической крышкой (рис. VIII- 1). Выступающая задняя стенка — это особенность колчанов «с карманом», у них же встречаются каркасы у горловины футляров, служившие для придания жёсткости изделию и украшавшие его. Именно такие рамки-каркасы можно видеть на упомянутых колчанах из Хочо (рис. X- 5): они отчётливо читаются в верхней части карманов, а нижняя кромка рамки подобна тепсейским «фигурным» изображениям.

Серия колчанов с фигурными рамками более раннего времени происходит из европейских элитных комплексов VII в.: в погребении у села Малая Перещепина, аvarских захоронениях

Кунбабони (Kunbábony), Бочи (Bócsa) и др. найдены золотые и серебряные обкладки «карманов» [Залесская и др., 1997, с. 210; Tóth, Horváth, 1992, Kat. 52, 67; Abb. 65: 1, 2; Р. 155] (рис. X- 2, 3). Судя по редчайшим находкам реконструируемым изделий, и на Алтае края карманов обрамлялись каркасами-обкладками, хотя и сделанными из кости. А.И. Савин и А.И. Семёнов предполагают восточное — центральноазиатское происхождение колчанов из аварских погребений Венгрии, указывая на ряд общих особенностей в их конструкции и оформлении с азиатскими, причём эти особенности касаются как раз каркаса кармана [1990, с. 87, 88]. Тогда можно думать, что и традиция обрамления краёв карманов была принесена из Центральной Азии. Изображения соответствующего времени до нас не дошли, но росписи в Хочо позволяют предполагать их былое существование. * [8]

Рис. X. Колчаны с выступающей задней стенкой и рамки-каркасы:

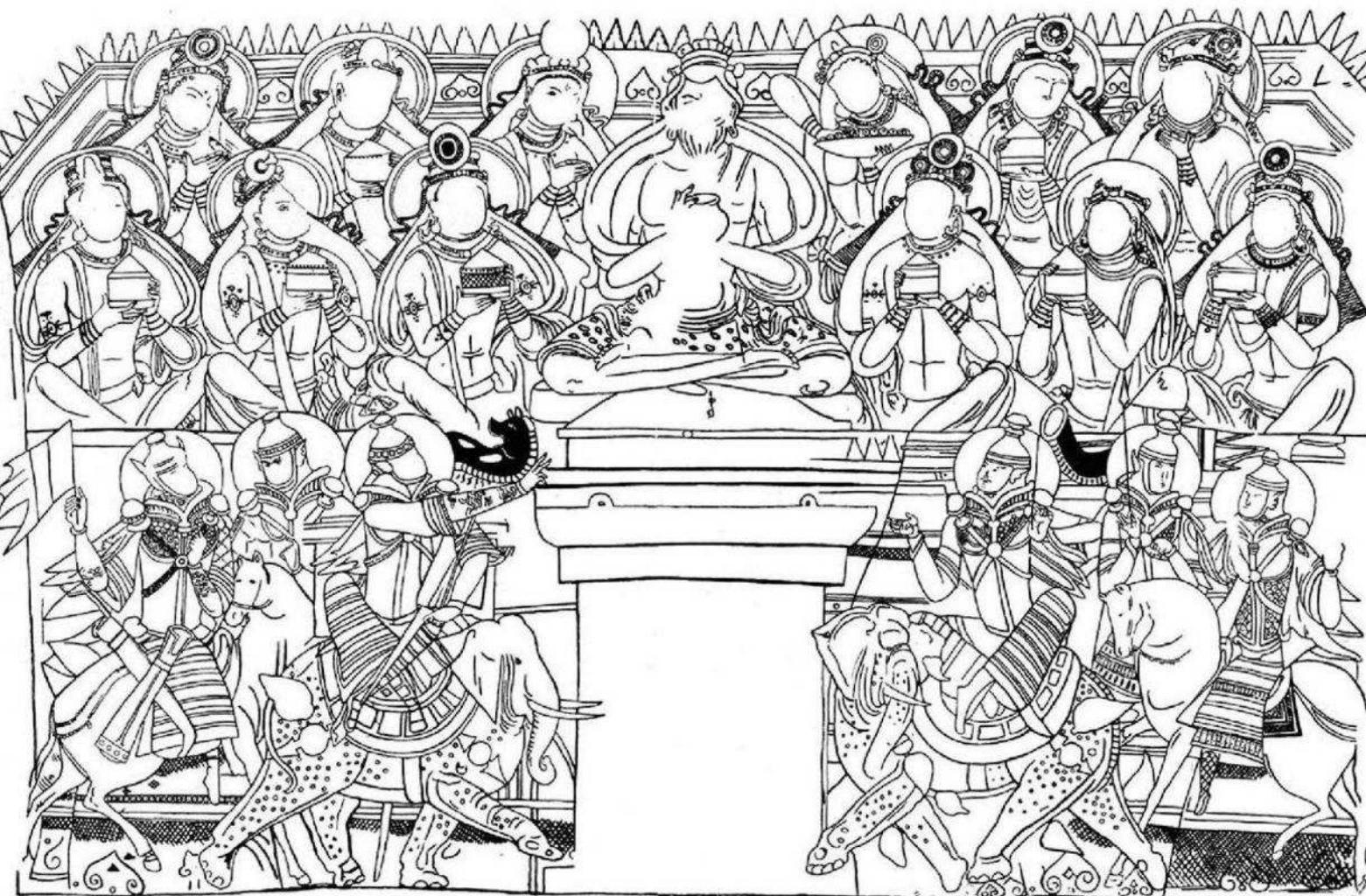
1 – таштыкские гравировки (Тепсей, пл. 4, 6; Ташеба, пл. 1); 2, 3 – фигурные рамки колчанов из М. Перещепино и Бочи [по: Залесская и др., 1997; Tóth, Horváth, 1992]; 4 – Камтыттукем [по: Савин, Семёнов, 1997]; 5 – Хочо, прорисовка с росписью IX в. [по: Le Coq, 1925].

Может быть, к числу наиболее ранних колчанов с рамками как раз и относятся рассматриваемые тепсейские/ташебинские футляры? Но все каркасные рамки связаны только с колчанами со щитком, а они носились отдельно от налучья, на противоположном боку воина. В нашем же случае колчаны расположены вплотную к налучью. Значит, ситуация была иной: возможно, на плакетках изображены не рамки, а просто выступающие задние стенки, характерные и для какой-то иной разновидности саадаков. Примером последнего является меховой футляр из пещеры Камтыттукем на Алтае, датируемый, возможно, III-V вв. [Савин, Семёнов, 1997, с. 36] (рис. X-4). Как видно по рисунку и специально отмечено авторами публикации, вырез в верхней части колчана имеет форму «хорошо известного лишь для более позднего времени «кармана», облицован накладкой из тиснёной кожи и украшен полосой красной краски» [Там же]. Нижняя часть футляра не сохранилась, нет данных ни о налучье, ни о стрелах. Судя по крюку, подобные которому представлены в памятниках первой половины тысячелетия, такой вариант колчана мог быть широко распространён, хотя и кажется нам сейчас уникальным. Вряд ли можно отождествлять тепсейские колчаны с футляром из Камтыттукема; последний, однако, показывает, что колчаны с выступающей задней стенкой, не относящиеся к числу «классических» футляров «с карманом», действительно существовали. * [9] Не случайно фрагмент из Камтыттукема упоминается исследователями, предполагающими алтайское происхождение колчанов «с карманом», как одна из их начальных форм [Кубарев, 2005, с. 91].

Вообще информации о раннем этапе существования колчанов с карманом немного. На Алтае известные берестяные колчаны со щитком встречены в погребениях не ранее VII в. Правда, есть сведения о находках берестяных футляров «с карманом» в погребениях булан-кобинской культуры (раскопки Ю.Т. Мамадакова) [Там же], но эти материалы не опубликованы. Ранее предполагалось, что в Туве и на Алтае в предтюркское время использовались берестяные футляры «со срезанным верхом», существовавшие затем параллельно с колчанами со щитком [Худяков, 1986, с. 151; Трифонов, 1987, с. 197]. В последние годы исследователи выражают уверенность в том, что нет оснований для реконструкции такой формы [Овчинникова, 1998, с. 287; Кубарев, 2005, с. 90]. Мнения об алтайском происхождении саадаков «с карманом» придерживаются А.А. Тишкин и В.В. Горбунов, в том числе опираясь на реконструкцию колчана из кургана 31 могильника Яломан II, датируемого ими 2-й пол. IV — 1-й пол. V в. Согласно реконструкции, тканевый колчан имел цилиндрическую форму, определяемую формой деревянного донца и крышки, устье в виде щитка/кармана и петли для подвешивания [Тишкин, Горбунов, 2007, рис. 3-1, с. 166]. По мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, «стремительное распространение» берестяных колчанов с карманом среди воинов Тоба Вэй (запечатленное в росписях Северного Китая — С.П.) было результатом «степного влияния» в конце V в. [Бобров, Худяков, 2005, с. 111].

Как видим, саадаки второй группы воинов на миниатюрах как будто объединяют в себе признаки саадаков «совмещённого» и «турецкого» типов. Резные изображения тепсейского и ташебинского склепов принадлежат к периоду на стыке распространения этих традиций. Поэтому и возникает вопрос, не являлись ли колчанные наборы воинов второй группы своего рода переходным звеном между ними или это был результат контакта различных традиций? Каких-либо данных о последовательном преобразовании саадаков «совмещённого» типа в «турецкие» нет (разве что цилиндрический колчан из Яломана-II по форме аналогичен футлярам-«тубусам» из Нии?). По словам М.В. Горелика, в III-VI вв. саадаки с длинной налучью и трубковидным футляром «разделяются на два различных предмета: колчан, помещавшийся справа, и налуч, крепившийся слева, т.е. складывается классический средневековый саадак...» [Горелик, 1995, с. 379]. Однако конкретные материалы, иллюстрирующие эту последовательность, не приводятся (видимо их нет?). Здесь же отмечается, что «генезис средневекового колчана связан, вероятнее всего, с древним трубообразным колчаном, который изображался ещё на оленных камнях висящим на

корпусе воина на том же месте и в том же положении ...» [Там же]. Очевидно, даже знакомство со значительным числом материалов по вооружению не позволяет составить достоверное представление о происхождении колчанов с карманом. Помимо отличия формы футляров для стрел и способов их сочетания с налучью, в ранних («совмешённых») саадаках стрелы помещались наконечниками вниз (Пещера Художников, фрагмент из Кумтуры), а в поздних («туркских») — в основном вверх, что неоднократно зафиксировано археологически. Значит, скорее всего саадаки «позднего» типа и относящиеся к ним колчаны с карманом были связаны с совершенно иной традицией. На это может указывать и ряд кучарских росписей, в которых саадаки обоих типов зафиксированы последовательно в пределах небольшого промежутка времени. В росписях V — нач. VI вв. (Пещера Художников, фрагмент из Кумтуры) представлены саадаки раннего, «совмешённого» типа. А в сценах из Пещеры шестнадцати меченосцев и Пещеры Майи-II, относящихся к VI — нач. VII вв. — уже колчаны с карманом. Вполне возможно, что именно в этот период в Куче появились и получили преобладание саадаки нового типа.

Рис. XI. Куча, Кызыл. Роспись из Пещеры шестнадцати меченосцев. Сцена Осады Кушинагары
[по: Grünwedel, 1912].